

Шэнь Цинчжо хотел убить этих высокомерных евнухов, которые полагались на своих начальников, чтобы получить власть, поэтому он с холодным лицом направился прямо во внутренний зал и сказал им продолжать стоять на коленях.

Особенно Ван Гуй, который сегодня был лидером. Если он правильно угадал, этот человек был шпионом, который докладывал в Восточный дворец.

Проходя мимо пельменя, который стоял прямо, Шэнь Цинчжо схватил его за тонкую маленькую руку и сказал Сяо Дэцзы, стоявшему позади него:

— Принеси линейку.

Сяо Шэнь, спотыкаясь, последовал за ним во внутреннюю комнату, его губы сжались в прямую линию, и он ничего не сказал.

Нелепо. Какую ошибку он снова допустил?

Через мгновение Шэнь Цинчжо взял линейку у Сяо Дэцзы и взглядом дал ему подсказку.

Сяо Дэцзы непонимающе уставился на своего господина. Внезапно ему в голову пришла мысль. Он быстро вышел из внутренней комнаты, закрыл дверь и встал на страже у входа.

Затем все услышали резкий звук, доносящийся из спальни.

— Кто сказал тебе украсть вещи из комнаты своего учителя? — Шэнь Цинчжо резко отругал его, ударив. — Ты признаешь свою ошибку?

Сяо Шэнь стоял посреди внутренней комнаты, в его упрямых глазах читалось замешательство, и на мгновение никто не понял, что он задумал.

С возгласом “пиу” линейка снова ударила по столу.

— Ты признаешь свою ошибку?

Шэнь Цинчжо держал линейку в руке и взглядом говорил пельмению: “Почему бы тебе не крикнуть несколько раз, чтобы выразить свое уважение?”

В это время Сяо Шэнь наконец отреагировал, его маленькие брови нахмурились, и спустя долгое время ему удалось возразить:

— Я не ошибся!

— Не ошибся? — Шэнь Цинчжо яростно сказал, — Сегодня я буду бить тебя до тех пор, пока ты не признаешь свою ошибку!

Раздались еще два резких звука “пиу, пиу”, и он подошел ближе, тихо спрашивая:

— Как насчет того, чтобы еще поплакать несколько раз?

Если ребенка из обычной семьи ударить линейкой, он обязательно будет громко плакать.

Кстати, плачущий пельмень должен выглядеть довольно мило.

Сяо Шэнь слегка приоткрыл глаза, и по его выражению было видно, что он не понимает, что он говорит.

Шэнь Цинчжо развел руками с легким сожалением, думая, что представление почти закончилось, отложил линейку и достал из рукава простой носовой платок.

Он подошел к пельменю и наклонился, чтобы стереть грязь и пыль с его личика.

Сяо Шэнь неосознанно отвернулся и сделал шаг назад.

— Почему ты прячешься?

Шэнь Цинчжо недовольно нахмурился, протянул руку, чтобы схватить его за маленький подбородок, и притянул пельмень обратно.

— Платок чистый, я вытираю тебе лицо.

Сяо Шэню пришлось поднять лицо, и на этот раз он не стал уворачиваться. В его темных глазах слегка блеснул огонек.

Его пальцы были холодными, но выражение лица серьезным, как будто он не вытирал лицо, а чинил какую-то ценную каллиграфию или фарфор.

— Готово. — Через некоторое время Шэнь Цинчжо отпустил его руку и выпрямился. — Я помог тебе запугать евнуха, который только что издевался над тобой, так что же ты должен сказать?

Сяо Шэнь опустил ресницы и прошептал в ответ.

— Спасибо.

— Да. — Шэнь Цинчжо кивнул в знак согласия и бросил грязный платок на стол. — Возвращайся и хорошенько отдохни сегодня.

Подумав об этом, он снова почувствовал себя неловко, поэтому повысил голос и позвал:

— Сяо Дэцзы!

Сяо Дэцзы немедленно распахнул дверь и вошел внутрь.

— Что нужно Молодому Господину?

— Отправь Его Высочество Седьмого Принца обратно в Холодный дворец, — Шэнь Цинчжо спокойно сказал. — Проследи, чтобы его отправили обратно в целости и сохранности.

— Да, Молодой Господин.

Дверь снова закрылась. Шэнь Цинчжо медленно вернулся к столу, постучал по нему кончиками пальцев и погрузился в глубокую задумчивость.

Прошлой ночью он снова и снова думал об этом. Поскольку система сказала, что ему будет трудно победить взрослого тирана, ему пришлось искать другой способ.

За исключением тех, кто родился асоциальным человеком, никто не рождается злодеем.

Причина, по которой Сяо Шэнь в оригинальной книге стал тираном, во многом заключалась в его несчастливом детстве.

С детства он подвергался издевательствам и унижениям в жестоком дворце. Из слов и поступков окружающих его людей он узнал закон джунглей и стал жестоким и безжалостным.

Поскольку он никогда не получал формального образования, в его сердце не было ни почтения, ни сострадания к жизни. Он провел всю свою жизнь в погоне за удовольствием, топча всех под ногами, убивая и мучая их по своему желанию.

Если сын плохо воспитан, это вина отца; если ребенка не учат строго, это лень учителя. Теперь, когда у него есть возможность стать учителем Сяо Шэня, у него есть возможность исправить это в корне.

12-летний мальчик не стар и не молод, он подобен маленькому деревцу, буйно разрастающемуся на ветру. Что ему нужно сделать сейчас, так это выпрямить это скрюченное деревце.

Зимней ночью все было тихо, и особенно тихо было в Холодном дворце.

Сяо Шэнь лежал на кровати, безудержно дрожа, чувствуя, как покрывающее его одеяло становится холодным и твердым, как железо, и давит на него так сильно, что он не мог дышать.

Это был обычный ночной сон, но постель в Холодном дворце стала невыносимой.

Он ворочался на кровати, чувствуя себя одновременно голодным и неудобным, пока не услышал крик, похожий на плач.

Сяо Шэнь вздрогнул и немедленно слез с кровати, пошатываясь, направляясь в главный зал.

В крошечной тьме главного зала его мать безумно плакала посреди ночи, снова и снова повторяя одну и ту же фразу:

— Сяо Лань, почему ты предал меня?

За последние два года его мать большую часть времени спала как в тумане, и количество случаев, когда она сходила с ума, значительно сократилось. Не известно, что именно побудило ее снова взяться за старое, но она вернулась к своим старым привычкам.

Сяо Шэнь стоял вдалеке, у входа во дворец. Увидев, что она просто плачет и ее жизни ничего не угрожает, он не смог сдержать вздох облегчения и собрался снова лечь спать.

Неожиданно Благородная Супруга Чжао снова приняла своего сына за него из-за лунного света за дверью и внезапно набросилась на него.

— Матушка-Супруга, это я!

Сяо Шэнь был сбит ей на землю, его тонкая шея была сдавлена, и он мог только с трудом дрыгать ногами.

— Это я, Матушка-Супруга, я не Отец-Император!

— Ты лгал мне, ты лгал мне, ты убил моего отца, мою мать, моего старшего брата и моего младшего брата, Сяо Лань! Сяо Лань, у тебя такое жестокое сердце, ты лгал мне и заставил меня так сильно страдать! — Благородная супруга Чжао не слышала ничего из того, что он говорил, и душила своего сына, как сумасшедшая. — Я собираюсь убить тебя! Убью тебя!

— Матушка, Матушка-Супруга.

Лицо Сяо Шэня стало фиолетовым, его брыкающиеся икры были сломаны до предела, а его хрупкое тело было совершенно неспособно освободиться от своей сумасшедшей матери.

В голове у него помутилось, а дыхание почти остановилось. В этот момент Сяо Шэнь внезапно опустил свои руки и перестал сопротивляться.

Его рождение было ошибкой. Вместо того, чтобы так жить, он с таким же успехом мог бы быть задушен и вернуть свою никчемную жизнь матушке.

В следующее мгновение мимо промелькнула худая фигура, и со звуком “лязг” его мать, которая душила его, упала на землю.

В то же время Шэнь Цинчжо тоже сел на землю, потому что он приложил слишком много сил, чтобы оттянуть ее.

— Сумасшедшая женщина! — Молодой Господин Шэнь тяжело дышал и невоспитанно ругался.

В книге не было подробного описания жестокого обращения, которому Сяо Шэнь подвергся в детстве. В нем лишь кратко упоминалось об этом, в нескольких строках. Теперь, когда Шэнь Цинчжо стал свидетелем этого собственными глазами, он понял, что, когда его мать сошла с ума, она действительно хотела без колебаний задушить своего сына.

Он сделал два глубоких вдоха, приподнялся, встал и поднял руку, чтобы стряхнуть пыль со своей бараньей накидки, все еще испытывая затаенный страх.

Что, если бы он не пришел в Холодный дворец сегодня вечером? Не задушила ли бы его собственная мать?

— Кхе, кхе, кхе.

Сяо Шэнь лежал на земле, у него кружилась голова, покраснение на лице еще не сошло. Он прикрыл шею рукой и продолжал кашлять, как ветер, вырывающийся из низов, хватая ртом воздух.

Шэнь Цинчжо осторожно обернулся, чтобы проверить, в чем дело, и обнаружил, что Благородная Супруга Чжао упала в обморок. Только тогда он почувствовал облегчение.

Тело первоначального владельца было слишком слабым. Если сумасшедшая Благородная Супруга снова встанет и сразится с ним насмерть, он не может быть уверен в своей победе.

Нельзя же быть жестоким и просто убить кого-то, верно?

Шэнь Цинчжо подошел к пельменю, подождал, пока тот отдышится, наклонился и протянул руку.

— Ты в порядке? Я помогу тебе подняться.

Лунный свет, похожий на серебро, струился сзади, отбрасывая туманный и теплый отблеск на его черные волосы.

Сяо Шэнь прошел через врата ада и посмотрел вверх в трансе, как будто увидел яркую луну в небе, спускающуюся на землю.

Он бесчисленное количество раз спрашивал себя, действительно ли в этом мире есть боги?

Если так, то почему они не пришли и не спасли его?

Он ждал год за годом, прежде чем, наконец, понял, что в этом мире нет бога, который мог бы спасти его.

— Кхе.

Сяо Шэнь изо всех сил старался приподняться, словно зачарованный, и медленно вложил свою руку в теплую и прохладную ладонь.

Шэнь Цинчжо сжал маленькую ручку, на мгновение задумался и просто поднял пельмень на руки, затем повернулся и направился в боковой зал.

Он снова обнял его как принцессу, и воочию убедился, каким легким и трепещущим был пельмень. Маленький комочек жалобно прижался к его груди, по-видимому, все еще не приходя в себя.

Его чуть не задушила собственная мать. Должно быть, он был очень напуган.

Подойдя к кровати, Шэнь Цинчжо осторожно положил пельмень обратно, встал рядом с кроватью, положив руки на свою талию, и его дыхание стало тяжелее из-за усталости.

— Матушка-Супруга, она... — Сяо Шэнь сел на кровать и что-то пробормотал очень тихим голосом.

Шэнь Цинчжо не расслышал, думая, что пельмень беспокоится о своей матери, и тихо вздохнул:

— Понял, я перенесу твою матушку обратно в кровать.

Беспокойство пельменя было небезосновательным. Стояла зима, и если бы она пролежала на земле всю ночь, то, вероятно, была бы мертва, когда проснулась на следующее утро.

Итак, Молодой Господин Шэнь вернулся в главный зал, безропотно перенес Благородную Супругу Чжао на кровать, а затем украдкой взглянул на спящую женщину в тусклом лунном свете.

Десятилетия тяжелых времен в Холодном дворце полностью уничтожили ее. Длинные, сухие и вьющиеся волосы закрывали большую часть ее лица, и от бывшей красоты не осталось и следа.

Что касается мятежа Генерала Чжао, то в оригинальной книге подробно не описывалось это прошлое, но отец и братья Благородной Супруги Чжао были убиты в одночасье, вся ее семья была казнена, а сама она была сослана в Холодный дворец с нерожденным ребенком в утробе. Кто бы не сошел с ума, если бы такое случилось с ним?

Однако быть настолько сумасшедшей, чтобы не узнать своих родственников и хотеть убить собственного сына - это совсем другое дело.

Шэнь Цинчжо глубоко вздохнул, укрыл ее одеялом и, убедившись, что она все еще дышит, развернулся и ушел.

Вернувшись в боковой зал, Сяо Шэнь все еще сидел на кровати в оцепенении. На столе стояла наполовину зажженная свеча, и дрожащее пламя колебалось на холодном ветру.

Шэнь Цинчжо подошел, взял в руки грелку для рук, которую взял с собой, затем снял свою накидку из бараньего меха и завернул в нее худое тело.

— Я не хочу это. — Сяо Шэнь внезапно пришел в себя и неловко попытался вырваться.

— Если ты все еще хочешь заниматься каллиграфией, то найди способ поправиться как можно скорее, — Шэнь Цинчжо предупредил холодным тоном, с твердым намерением не допустить отказа.

Услышав это, Сяо Шэнь внезапно поднял свое маленькое личико и удивленно и недоверчиво спросил:

— Вы хотите научить меня читать?

— Как я могу быть твоим наставником, если не научу тебя читать и писать? — Шэнь Цинчжо усмехнулся. — Но позволь мне быть откровенным. Если ты хочешь научиться настоящим

навыкам, ты должен быть морально готов.

Сяо Шэнь снова опустил голову, думая, что все не так просто. Этот человек определенно нашел бы способ помучить его.

Однако, если бы это действительно дало ему шанс учиться каллиграфии, он был бы готов понести наказание. В любом случае, он всегда был таким.

— Почему, ты боишься? — Шэнь Цинчжо отступил на два шага и спросил нейтральным тоном.
— Ты боишься меня или боишься страданий?

— Я... — Сяо Шэнь хотел что-то сказать, но проглотил это и, наконец, задал только один вопрос, — Почему?

В мерцающем свете маленький волчонок пристально смотрел на него, и в его темных глазах горели два ярких огонька.

Этот вопрос был вырван из контекста, но Шэнь Цинчжо сразу понял его и слабо улыбнулся.

— Если бы я сказал, что прошлой ночью мне приснился кошмар и что однажды, много лет спустя, ты разрежешь меня на куски, ты бы поверил в это или нет?

Зрачки Сяо Шэня мгновенно сузились, его талия выгнулась, а кулаки, лежавшие на кровати, произвольно сжались.

Это была поза готовности к нападению в любой момент.

— Три тысячи порезов, по одному за раз, медленно, это так больно. — Шэнь Цинчжо, казалось, не замечал своей ненормальности, его голос был мягким, а интонация наполовину правдивой, наполовину фальшивой. — Итак, чтобы уменьшить боль в будущем, Учитель решил лучше относиться к тебе сейчас.

Сяо Шэнь посмотрел на него с подозрением, очевидно, все еще не веря в его ложь.

Шэнь Цинчжо тоже не ожидал, что он так легко изменит свое решение. Он достал из своих широких рукавов несколько флаконов и баночек и поставил их на стол.

— Это лекарства из Имперского медицинского отдела. Я записал способ применения и дозировку и нанес их на флаконы.

Завернувшись в теплый мех барана, Сяо Шэнь чувствовал себя так, словно был погружен в

мягкое и пушистое облако, а кончиком носа ощущал насыщенный аромат зимней сливы.

Его глаза были полны настороженности и замешательства, но он не мог не следить за движением этой тонкой и красивой руки.

— Не смотри на меня так. — Шэнь Цинчжо поднял фитиль свечи и усмехнулся. — Просто подумай о том, что у Учителя все еще есть совесть и он каждый день совершает добрые дела, хорошо?

Сяо Шэнь неосознанно шмыгнул носом и промолчал.

— Кхе-кхе, — Шэнь Цинчжо отвернулся, приложил кулак к верхней губе и дважды кашлянул. — Хорошо, ночь была долгой. Ваше Высочество, прими лекарство и ложись спать пораньше, чтобы поскорее поправиться.

Сказав это, он развернулся и собрался вернуться в павильон Цзююэ.

Было очень холодно, и он снял свою баранью накидку и отдал ее пельменю. Ему было так холодно, что он не выдерживал.

В конце концов, он был молод и нетерпелив. Только он собрался выйти за дверь, как услышал позади себя низкий и хриплый голос маленького мальчика:

— Когда оно начнется?

Шэнь Цинчжо повернулся спиной к пельменю, на его красивых губах появилась улыбка.

— Мы можем начать, когда Ваше Высочество пожелает.

Автору есть что сказать:

Молодой Господин Шэнь: Мой маленький ученик такой милый, когда плачет~

Взрослый ученик: Учитель намного милее, когда плачет...

<http://bllate.org/book/14566/1290312>